

ЛИТЕРАТУРА

1. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума [Текст] / Т.И. Вендина // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1999. – No 2. – С. 27–49.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневич. М. : Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
3. Лейсик В.М. Терминоведение [Текст] : предмет, методы, структура / В.М. Лейсик. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 264 с.
4. Смирницкий А.И., Ахманова О.С. Образования типа “stone wall”, “speech sound” в английском языке [Текст] // Доклады и сообщения Института языкознания Академии наук СССР. Вып. 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – С. 97–116.
5. Тер-Минасова С.Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранного языка [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1986. – 150 с.
Лексикографический список:
6. Авдеева Т.Г. Словарь международного права [Текст] / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др. ; отв. ред. С.А. Егоров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 495 с.
7. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст]. – Изд. 4-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 576 с.
8. Борисенко И.И. Современный русско-английский юридический словарь [Текст] = Contemporary Russian-English Dictionary of Law : около 45000 терминов / И.И. Борисенко, В.В. Саенко. – М. : АBBYU Press, 2010. – 487 с.
9. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права [Текст] / Ф. Буше-Сольнье ; пер. с франц. Е. Кирпичниковой. – М. : Весь Мир, 2017. – 1018 с.
10. Додонов В.Н. Международное право [Текст] : словарь-справочник / В.Н. Додонов, В.П. Панов, О.Г. Румянцев ; под общ. ред. В.Н. Трофимова. – М. : Инфра-М, 1997. – 368 с.
11. Макушев П.В. Международное право [Текст] : словарь-справочник : учебное пособие / П.В. Макушев, А.В. Хридошкин. – М. : Прометей, 2017. – 567 с.

РОМАНОВА Е.Е.

г. Екатеринбург, Россия

АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ С ПОСТФИКСОМ -СЯ

Аннотация: *Постфикс -ся отличается высоким синкретизмом в русском языке, при этом все глаголы, несущие данную морфему —*

непереходные (одноместные предикаты). Ожидается, что, подобно другим непереходным глаголам, они делятся на неэргативные и неаккузативные в соответствии со своей синтаксической структурой. Однако, как показывает недавний анализ, ситуация несколько сложнее. В данной статье будет бегло рассмотрено пересечение традиционного таксономического исследования и исследования синкретизма возвратных морфем, предложенного для различных языков, включая русский.

Ключевые слова: постфикс, аргументная структура, синкретизм, неэргативные и неаккузативные глаголы.

ROMANOVA Ye.
Yekaterinburg, Russia

ARGUMENT STRUCTURE OF VERBS WITH POSTFIX -SYA

Abstract: *The Russian postfix -sya is highly syncretic. All the verbs hosting this morpheme are naturally intransitive (one-place predicates). It could be predicted that like other one-place predicates these fall into two syntactic classes: unergative and unaccusative. However, as recent findings demonstrate, the situation is somewhat more complicated than that. In this paper, I look at the intersection of the traditional taxonomic research and research into the reasons behind Voice syncretism of found crosslinguistically.*

Keywords: *postfix, argument structure, syncretism, unergative and unaccusative verbs.*

Введение

Возвратный постфикс — не совсем верное название, так как в возвратной интерпретации данная морфема употребляется только в 4% случаев. Немного чаще (в 5% случаев от всех употреблений) она маркирует страдательный залог. Все остальные употребления постфикса характеризуются множеством других значений [1, с. 59]:

- Автокаузативные: *я поднялся, мы двинулись в путь*
- Декаузативные: *компьютер сломался*
- Эмотивные декаузативы: *я испугался собаки*
- Рефлексивно-посессивные: *я зажмурился*
- Конверсивные: *солнце скрылось за тучами*
- Пассивные: *эти проделки сурово им карались*
- Собственно-рефлексивные: *мыться, одеться*
- Модально-квзипассивные: *дверь не открывается*
- Глаголы с изменением статуса прямого дополнения: *кидалась камнями*

- Глаголы “непроизвольного действия”: *я свалился в лужу*
- Реципрокальные: *быки бодались*
- Модально-деагентивные: *мне не спится*
- Синонимичные: *что-то белеется*
- Рефлексивно-каузативные: *стричься в парикмахерской*
- Абсолютивные: *собака кусается*
- Косвенно-рефлексивные: *задаваться вопросом*
- Безлично-пассивные: *в инструкции сообщалось о новых правилах*
- Некаузативные: *лошадь распряглась*

Данный детальный список, с одной стороны, упускает ряд употреблений из виду (например, *улыбаться, смеяться*), а, с другой, дробит некоторые категории на еще более мелкие (например, пассивные и безлично пассивные или декаузативные и некаузативные). Однако, таксономические подходы часто основаны на лексико-семантических различиях членов групп, которые, порой, лишены четких критериев. Если смотреть на предложенное разнообразие с формальной точки зрения, нужно использовать следующие факты: 1) все глаголы с возвратным постфиксом являются непереходными, то есть, одноместными предикатами; 2) глагольные одноместные предикаты делятся на два класса, обусловленных разницей их семантико-синтаксических структур: неэргативные и неаккузативные. Возможно ли разделить глаголы из списка выше на эти два класса?

Предыстория

Термины *неаккузативный* и *неэргативный* появились в лингвистике в 1976 году благодаря Джеффри Пуллуму [9] на базе двух падежно-залоговых систем: номинативно-аккузативной с делением на активный и пассивный залого и эргативно-абсолютивной с активным и антипассивным залогами. При залоговой трансформации глагола в первой системе происходит удаление активного актанта (Агенса)¹ из аргументной структуры глагола с одновременной потерей глаголом способности приписывать винительный (аккузативный) падеж. Таким образом, когда единственным аргументом глагола остается пассивный актант Пациенс, винительный падеж становится недоступным, отсюда название — *неаккузативный*. Во второй системе происходит противоположное изменение: из аргументной структуры глагола в предложении исчезает пассивный участник, Пациенс, который в

¹ О предикатах и тета-ролях (названиях актантов) см., например, [2].

активном залоге был отмечен абсолютным падежом. Единственный, остающийся в структуре актант, Агенс, при этом больше не может получать эргативный падеж и маркируется доступным абсолютным, отсюда название — *неэргативный* (см. пример (1) из [5, с. 13]). Термины *неаккузативный* и *неэргативный* применяются, таким образом, к одноместным предикатам, единственным актантом которых является Пациенс или Агенс, соответственно.

1. a. Piita-up naalautiq surak-taa.
 Питер.ERG радио.ABS ломать.PART.3SG.S/3SG.O
 ‘Питер сломал радио.’

b. Piita surak-si-juq (naalauti-mik).
 Питер.ABS ломать.AP.3SG. радио.OBL
 ‘Питер ломает радио.’

Синтаксис неаккузативных и неэргативных глаголов

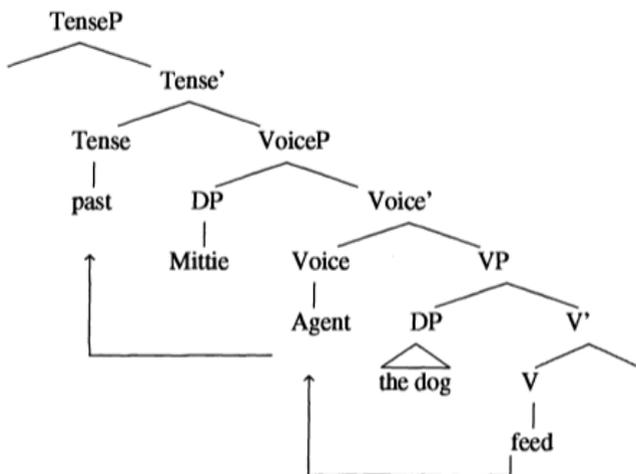
Исторически считается, что синтаксис неаккузативных и неэргативных глаголов отличается присутствием или отсутствием одного важного функционального элемента, о котором пойдет речь в данном разделе.

Прежде всего, нужно посвятить несколько слов таким понятиям, как внешний и внутренний аргументы глагола и их противопоставлению: внутренний аргумент располагается внутри глагольной группы (VP), а внешний аргумент с глагольной группой связан слабо или не связан вовсе. Типичным внутренним аргументом является Пациенс (но есть и ряд других, например, Реципиент), а типичным примером внешнего аргумента выступает Агенс. Существует целый ряд свидетельств, указывающих на то, что глагол + дополнение, позицию которого занимает внутренний аргумент, — это синтаксическая составляющая, а подлежащее + глагол — нет [6]. К таким свидетельствам относятся синтаксические (эллиптические конструкции, передвижение VP внутри предложения) и семантические (смысл глагола может меняться в зависимости от дополнения, но не делает того же при смене подлежащего).

В основополагающей работе Ангелики Кратцер [10, с. 125] дается синтаксическое обоснование такой слабой связи между внешним аргументом и глаголом: внешний аргумент вводится в предложение отдельной функциональной вершиной, которую назвали Voice (залог), а позже — малая *v*. В примере (2) мы видим древесную структуру для предложения *Mittie fed the dog*, где стрелками отмечено передвижение глагола сначала в функциональную проекцию залога, а затем —

времени, чтобы глагол получил все необходимое морфологическое снаряжение. При этом группа определителя (DP), представляющая внутренний аргумент, находится, как и положено, внутри глагольной группы (VP), а группа определителя, представляющая внешний аргумент, вводится в функциональной проекции залога (VoiceP).

2.

Лучше всего видно, как вводится внешний аргумент, на примере каузативно-инхоативного чередования. В типологическом исследовании Мартина Хаспельмата [8] приводятся разные стратегии такого чередования. В английском языке, как известно, оно не имеет морфологического отражения (3), в русском каузативный (переходный) вариант морфологически простой, а инхоативный (непереходный), напротив, сложный (4). Однако, есть такие языки, как монгольский, где, наоборот, каузативный вариант представляет собой сложную деривацию, а инхоативный — простую, и они лучше всего иллюстрируют присутствие малой *v* и ввод в структуру внешнего аргумента (5), так как присутствие обсуждаемой функциональной вершины отражено в морфологической форме глагола (в инфиксе *-uul-*).

3. *Melt* 'растопиться' — *melt* 'расплавить, растопить'

4. *Расплавить* — *расплавиться*

5. *Хайл-ах'* 'растопиться' — *хайл-уул-ах'* 'расплавить' [8, с. 89]

Основываясь на гипотезе универсальной грамматики, мы утверждаем, что те же процессы происходят и в английском языке. Что

касается русского языка, тут мы имеем дело именно с декаузативизацией (см., например, [2, 3]).

Итак, можем ли мы теперь проверить, насколько список Калашниковой и Сая соответствует данному делению?

Ответ будет не таким однозначным, как хотелось бы при попытке унификации синтаксического объяснения.

Если в случае с декаузативами и пассивами мы явно имеем дело с неаккузативными глаголами (единственный аргумент глагола в них — внутренний), а в случае с автокаузативными и посессивно-рефлексивными — с неэргативными (единственный аргумент представляется внешним), то проблема возникает с такими интерпретациями, как модально-деагентивная (*мне не читается, мне здесь не спится* и т.д) или абсолютивная (*собака кусается, корова бодается, мальчик плюется*). В первой, как видно, присутствует отрицание, экспериенцер стоит в дательном падеже, и часто присутствует обстоятельство места, кроме того, сама интерпретация носит модальный оттенок. Во второй описывается скорее свойство подлежащего, чем активное действие.

Синкретизм постфикса -ся как часть межъязыковой картины

Еще в 2004 году Фолли и Харли говорили о разных оттенках малой *v* [7], отталкиваясь от допустимости или недопустимости одушевленного аргумента у некоторых переходных глаголов (*The groom ate the wedding cake. — *The sea ate the beach. — The sea ate away the beach.* [7, с. 95-96]).

В работе Ойконому & Алексиаду [5] предлагается попытка более четкой классификации и унификации синтаксических конструкций залога. Всего анализируется семь залогов: рефлексивный, реципрокальный, антикаузативный, пассивный, антипассивный, каузативный и аппликативный. Морфемы, отражающие эти залогов, проявляют высокую степень синкретизма в языках мира [5, с. 12]. Как видно из поведения русского постфикса *-ся*, он вписывается в общую тенденцию.

В данной работе синтаксическая структура содержит и проекцию малой *v*, и проекцию залога Voice. Основой анализа синкретизма является взаимодействие двух функциональных проекций с различными “оттенками” проекции залога (что продолжает и развивает идеи, заложенные в [7]): Voice может нести признак [+D] или [-D], где D указывает на присутствие внешнего аргумента агентивного типа. Предлагается три типа синкретизма:

- Синкретизм типа А: возвратные, взаимные, антикаузативные, пассивные (- D)

- Синкретизм типа В: то же + антипассив (-D)
- Синкретизм типа С: антикаузативные, пассивные + каузативные (+/- D)

Классификация, предложенная в [], частично встраивается в систему, развиваемую в [7]:

- Синкретизм типа А:
 - декаузативные (*разбиться*) = антикаузативные
 - собственно-рефлексивные (*мыться*) = рефлексивные
 - реципрокальные (*драться*) = реципрокальные
 - пассивные (*проводился*) = пассивные
- Синкретизм типа В:
 - абсолютивные (*кушаться*) = антипассивные
 - рефлексивно-каузативные (*стричься*) = антипассивные
- Синкретизм типа С:
 - некаузативные (*лошадь распряглась*)
 - декаузативные (*компьютер сломался*)

Вопросы для дальнейшего исследования

В свете схематично обрисованной выше проблематики выявляется целый ряд вопросов для дальнейшего исследования. Во-первых, действительно ли можно утверждать, что синкретизм типа С существует в русском языке для глаголов с постфиксом *-ся*? Чтобы это установить, нужно найти каузативы, содержащие постфикс. Во-вторых, к какому типу следует отнести такие полноценные неэргативы, как *улыбаться*, *смеяться* и т.п.? В-третьих, как решать проблему взаимодействия залога и модальности, отраженную в ряде интерпретаций глаголов с постфиксом *-ся*? В-четвертых, насколько меняется система с вовлечением в нее префиксального или циркумфиксального словообразования (*разбежаться*, *разбегаться*, *вчитаться*, *наестся хлебом* и *наестся хлеба* и т.д.)?

Учитывая существующие работы на тему русского залога в целом и анализа залоговых интерпретаций, лежащих в области ответственности постфикса *-ся*, в частности, ряд ответов может быть найден в них. Однако, данный предмет изучения настолько обширен и разнообразен, что дальнейшие исследования абсолютно необходимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашникова К.В., Сай С.С. Системные отношения между классами русских рефлексивных глаголов в связи с их частотными характеристиками (по данным корпусного исследования). В.С. Храковский, С.Ю. Дмитренко, Н.М. Заика (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. Материалы. Санкт-Петербург, 4–6 сентября 2006 г. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 56–64.
2. Летучий А.Б. Между пассивом и декаузативом: Русские модальные пассивы. Acta Linguistica Petropolitana, 2014. Том X, часть 3, с. 364–394.
3. Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. Русский язык в научном освещении, 2001. № 1 (1), с. 52–79.
4. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. — М.: РГГУ, 2001. — 800 с.
5. Alexiadou A., Oikonomou D. Voice syncretism cross linguistically: The view from minimalism. Philosophies 7, 19, 2022.
6. Baker M. Formal Generative Typology in The Oxford Handbook of Linguistic Analysis (eds. B. Heine and H. Narrog). Oxford: OUP, 2009. С. 285–312
7. Folli R., Harley H. Consuming results in Italian and English: Flavours of *v* in Aspectual Inquiries (eds. R. Slabakova and P. Kempchinsky). Dordrecht: Kluwer, 2004. С. 95–120
8. Haspelmath M. More on the typology of inchoative/causative verb alternations in Causatives and Transitivity (eds. B. Comrie and M. Polinsky). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1993. С. 87–121
9. Haspelmath M. 45 years of unergativity and unaccusativity, <https://dlc.hypotheses.org/2598>
10. Kratzer A. Severing the external argument from the verb in Phrase Structure and the Lexicon (eds. J. Rooryck and L. Zaring). Dordrecht: Kluwer, 1996. С. 109–137

СОКОЛОВА О.Л.,
г. Стамбул, Турция,
КАРИМОВА Г.А.,
г. Екатеринбург, Россия

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СЕМАНТИКА СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация: Авторы рассматривают актуальные неологизмы, вошедшие в словари французского языка в 2022 году. Наиболее